

По-видимому, и нам в настоящем труде предстоит и та же дилемма, и те же многообразные опасности. В том, что у нас теперь лежит под руками, мы сказали многое о нравах королей (то есть иерусалимских), их жизни, привычках; шло в этом заслуживает похвалу, шло вызывает осуждение, но мы говорим обо всем подряд: быть может, их пресмники прочтут то с неудовольствием и нападут незаслуженным образом на бытописателя, обвиняя его в зависти и лжи, но, видит Бог, мы избегаем всего подобного, как язвы. Зато мы не будем оправдываться, если нас обвинят в том, что мы имели бесстыдство принять на себя труд не под силу и что наша речь не довольно достигла уровня событий; тем не менее, однако, мы сделали кое-что. Люди, слабые в живописи и не посвященные в таинства искусства, обозначают только один контур (*prima liniamenta*) и сначала паводят фон (*luteos colores substernere*); затем рука мастера отделяет начисто; подобно тому и мы употребили весь наш труд на то, чтобы заложить фундамент, на котором более искусный архитектор, соблюдая все правила истины, от которых и мы ни в чем не отступали, выведет красивое здание. Конечно, среди стольких затруднений и двойных опасностей было бы безопаснее успокоиться, смолчать и положить на отдых свое перо; но тут является настоятельная любовь к отечеству, за которое честный человек, если только того потребует необходимость, обязан пожертвовать жизнью. Эта самая любовь со свойственной ей силой и требует от нас, чтобы мы не допустили овладеть забвению тем, что у нас совершилось в последние почти сто лет и что оставалось под спудом молчания; мы должны все это, тщательно обработав, передать памяти потомства. Итак, мы повиновались и приложили свою руку к труду, от которого не могли отказаться без оскорбления своей чести; мы не много думали о том, что скажет о нас потомство и чего заслужит наша ничтожная речь о таком великом предмете. Дай Бог; чтобы мы повиновались с успехом, равным нашей охоте, и столь же достойно, сколько благоговейно! Мы более принимали в расчет нежное влечение к *родному месту*

(*natalis soli magis tracti dulcedine* – на основании этих слов заключают, что автор родился в Палестине), нежели соразмеряли свои силы с предпринимаемым трудом; мы полагались не на умственные свои средства, но на теплоту и искренность наших чувств.

Ко всему этому присоединилось повеление государя короля Амальрика (*Amalrici*, Иерусалимского) славной и благочестивой памяти – да насладится покоем его святая душа – и я не мог не уважить такого повеления; его настояния, повторявшиеся несколько раз, особенно побудили меня взяться за труд. По его же предложению я написал другую историю от времен обольстителя Магомета до года от воплощения Господня 1184-го, охватывающую 570 лет; сам Амальрик доставил мне для того арабские манускрипты. Я следовал главным указаниям предподобного мужа Сеида (*Seith*, то есть *Seid-ben Batrik*, более известный под именем Евтихия), александрийского патриарха. В настоящем же труде, не имея такого главного руководителя ни в греческой, ни в арабской литературе, я излагал по одним преданиям, за исключением немногих, виденного мной самим; исход доблестных мужей и князей, Богом возлюбленных, которые, выйдя по призыву Господню из западных стран, сильной рукой завоевали Обетованную землю и с ней почти всю Сирию, я принял за начало и довел с великим тщанием до правления государя Балдуина Четвертого, который в порядке королей занимает седьмое место, включая в это число государя герцога Готфрида, бывшего первым на царстве, – всего 84 года.

Чтобы дать любознательному читателю полное понятие о состоянии восточных стран, я предпослал в кратких словах объяснение, в какое время и каким образом эти страны подпали игу рабства; каково было положение в то время верных, живших среди неверных, и по какому случаю, после продолжительного рабства западные князья, стремясь к освобождению тех стран, возложили на себя столь великое бремя пилигримства (*peregrinationis*). Если кто обратит внимание на мои утомительные и разнообразные занятия, как по делам возлюбленной